

КИНЖАЛ

Сначала про Сирию. Потому что Сирия остается в центре внимания — когда я пишу эти строки. Сирия — это лакмусовая бумажка и момент истины, потому что американцы вопиюще созорничали в Ираке. Потом в Ливии. А вот третьему их ближневосточному озорству — не бывать.

А правда ли не бывать? Россия, наконец, почувствовала в себе и силу, и миссию — встать на пути полного хаоса на Ближнем Востоке, и встать на пути полного разрушения принципов международного права в глобальном масштабе. Ближайшие месяцы покажут, по плечу ли России такая задача — и такая ноша.

Защищая эти принципы, Россия очутилась по сути в одиночестве. Союзники по ОДКБ что-то там тихо *проштамповали* на саммите в Сочи — вот только как-то так получилось, что никто в мире этого не заметил. Примерно то же — с ШОС, если, конечно, не считать не вполне допущенного до ШОС Ирана (и самое время было бы его в ШОС принять!). Соратники по БРИКС, втихомолку одобряя российские действия, тоже как-то попрятались, затаились. Все наблюдают. Все ждут исхода. Впрочем, иного и не стоило ожидать. Но таким образом ставки в сирийской игре оказались для России выше, чем сама Сирия, цинично говоря, того стоит.

Сегодня есть три ключевых аспекта сирийского кризиса.

Первый — химическое оружие. Этот аспект оказался самым острым в последние недели. Предсказуемо. Все к этому шло. Точнее, американцы ровно год вели дело к тому, чтобы выдернуть *химическую* костяшку домино. Уже тогда говорили об этом с Россией, даже тихо подсказывали при randevу в сезон цветения вашингтонских вишен: мол, готовьтесь, все будет по Чехову, есть у Сирии газ — значит, загазует.

Да, был зарин в Гуте. Но чей зарин? Неужели правительственные войска Асада так карикатурно тупы, чтобы применить зарин — да еще против гражданского населения? Куда опасней — и куда правдоподобней — сценарий, по которому это Обама своей *красной линией* спровоцировал боевиков-исламистов на тщательно продуманный подлог. Сами ли они разработали отравляющее вещество? Или — что еще опаснее и чего я исключать не могу — получили доступ к боевым отравляющим веществам, хранящимся в арсеналах правительственных войск, используя поддержку лиц, работающих на этих объектах?

Как бы то ни было, российская дипломатия нащупала единственно возможный выход в данной ситуации: вместо перекалывания ответственности, поиска виновных — разрубить гордиев узел, уничтожить все сирийское химическое оружие. И действительно, сегодня химическое оружие военного значения

для Сирии не имеет. От него — одна только головная боль. ОМУ не защищает, но усиливает уязвимость. Хорошо, что Асад это понял и задекларировал свой химический арсенал в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Это — шаг в правильном направлении. Но теперь на повестку дня выйдут практические вопросы. А именно: как обеспечить сохранность, отсутствие внешнего доступа к уже задекларированному арсеналу? Как обеспечить гарантии того, что химическое оружие не находится также в руках негосударственных субъектов — боевиков-исламистов из так называемой вооруженной сирийской оппозиции (что вообще-то является предметом резолюции 1540 Совета безопасности ООН)? И как обеспечить безопасное и полное уничтожение химического оружия Сирии в условиях непрекращающейся гражданской войны?

Здесь выходит на сцену *второй* аспект сирийского кризиса: примирение. Ну давайте наконец скажем честно: тема химического оружия — это был лишь эффектный повод для вторжения в Сирию и свержения Асада. Не получилось (пока). Но как вы представляете ситуацию, когда законно избранный президент добровольно и под международным контролем уничтожает свои запасы химического оружия — а после этого его обвиняют в преступлениях против своего народа и устраниют (варианты: а) вешают по постановлению суда; б) мучают и добивают при побеге). Какой президент пойдет на это? Даже и под давлением американской военной мощи, сконцентрированной сегодня вокруг Сирии? Если мы действительно хотим а) уничтожения сирийского химического оружия, так или иначе, но ставшего источником повышенного напряжения; плюс б) мирного урегулирования, — Асаду надо дать гарантии безопасности и гарантии прекращения вмешательства в дела Сирии. Женева-2 — если она когда-нибудь произойдет — должна стать толчком для внутрисирийского примирения. Годы гражданской войны в Сирии показали, что без участия Башара Асада этот процесс невозможен. Больше того, без его участия не будет возможно и гарантированное освобождение Сирии от химоружия.

Третий аспект сирийского кризиса — внешний. Сначала Катар, а затем (когда новый катарский эмир показал себя более взвешенным и дальновидным, чем его отец) Саудовская Аравия щедро оплатили голову Асада на блюде. Выдали аванс. Теперь Эр-Рияд разочарован; Эр-Рияд взбешен. Как же так: неужели в этот раз наличка не сыграла решающей роли? Но Эр-Рияд, похоже, не принимает поражения. Вместо этого, он еще больше повышает ставки. И в регионе, и в Париже, и в Вашингтоне. И еще — в Тель-Авиве. Антисирийские и антииранские интересы саудовской королевской семьи и группы Нетаньяху совпали. Капитал помножен, обмен разведданными усилен, военная координация повышена.

Эта капризная вера во всемогущество *налички* (имеющая истоком, конечно же, историю с Ливией), это накачивание региона деньгами и вооружениями, — все это крайне опасно. Неужели Саудовская Аравия не усвоила урока восьмидесятых, когда она подпитывала афганских моджахедов — и породила Осаму бен Ладена? С богатыми аравийскими монархиями в западном мире, еще не оправившемся от финансового кризиса и живущем в страхе перед новым, как-то не принято вступать в спор. Для России здесь — серьезный вызов, но и возможность проявить искусство дипломатии.

«Россия победила?» «Россия держит козыри в ближневосточной игре?» — так сегодня спрашивают иностранные журналисты. Да, с химоружием в Сирии элегантно сыграно на Смоленской-Сенной. Но ведь это еще не развязка. Ближайшие месяцы заготовят для так называемого плана *Лаврова-Керри* новые подвохи.

«Да, я не изменюсь и буду тверд душой, как ты, как ты, мой друг железный» — в ближайшие месяцы именно такая твердость потребуется от Москвы, когда *кинжал* дипломатического успеха в ее руках... но вот только какой — пушкинский ли «последний судия позора и обиды»? или лермонтовский — «това-

рищ светлый и холодный»... Впрочем, последний, помнится, был не вполне из дамасской стали.

О Сирии — так или иначе, большинство материалов этого номера. Михаил **Маргелов** анализирует сирийские события — и, шире, события на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Сахеле — с точки зрения поля битвы неарабских игроков: не только западных, то также и Ирана и Турции. Алексей **Пушков** высказывает рекомендации, как должна вести себя в отношении сирийского кризиса Россия. Наталья **Калинина** рисует впечатляющую палитру милитаризации Ближнего и Среднего Востока за последние годы: когда знакомишься с количественными и качественными показателями поставок вооружений в регион, остаешься в недоумении, отчего это Россия вдруг проявила такую непростительную *скромность*, не обеспечив современными оборонительными противоракетными системами Сирию и Иран в ответ на их запросы, — или же эти контракты все же будут завершены в ближайшее время?

О Сирии говорят и наши обозреватели Юрий **Федоров** и Дмитрий **Евстафьев**; не могут пройти мимо этой темы в своих комментариях члены Международной экспертной группы (МЭГ) при ПИР-Центре. Замечу, кстати, что она пополнилась экспертом из ближневосточного региона — а именно, из Ливии: политолог Мустафа **Фетоури** родом из Триполи; он не понаслышке знает, что «сила современной философии... заключена в авиационной поддержке», говоря словами Виктора Пелевина из его, пожалуй, самой яркой антиутопии последнего времени S.N.U.F.F.

О Сирии же парадоксальным образом вспоминаешь, знакомясь еще с двумя материалами номера.

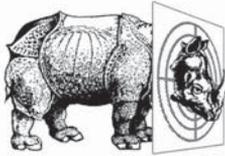
Во-первых, это **круглый стол**, посвященный **зоне, свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке**. Дискуссии круглого стола были взяты нами из нескольких семинаров, которые провел ПИР-Центр за последние месяцы — сначала в Москве, а затем в Женеве. Сегодня мы наблюдаем, как вопрос о сирийском ОМУ решается вне всякого контекста создания такой зоны — и в этом смысле, американцы продемонстрировали здесь свою давнюю домашнюю заготовку не менее элегантно, чем Москва — свою. Неужели только сила или угроза применения силы, или же провокации — рецепт избавления Ближнего Востока от ОМУ? Сомневаюсь. Не случайно, по-моему, говоря в сентябре на Валдайском клубе о Сирии, Владимир Путин как-то вдруг припомнил Израиль и его ядерное оружие. А ведь у Путина редко что бывает «вдруг».

Во-вторых, это **досье**, представляющее сентябрьский (2013 г.) доклад ПИР-Центра «**Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности**», плод нашего коллективного труда и результат годичных усилий. Выводы доклада ПИР-Центра подтверждают, что у России, США и ряда других участников программы Глобального партнерства против распространения (Германии, Великобритании, Швейцарии, Нидерландов и др.) есть возможности для практической реализации уничтожения химического оружия в Сирии — причем, возможно, даже без его вывоза за пределы страны.

Здесь я, конечно, хотел бы закончить про Сирию и начать про *странного парня* Сноудена — тем более что в этом номере вы найдете вдумчивый комментарий Олега **Демидова** «Киберкомандование США: уроки для России», где среди ключевых слов выделено *информационное противоборство*... Но тут опять напрашивается рифма с Пелевиным... а когда слишком много Пелевина, это уже моветон.

Владимир ОРЛОВ

В ДЕСЯТКУ: О НАДЕЖДЕ

«Надежда летает на крыльях,
а международные конференции тащатся за ней
по пыльным дорогам».

Уинстон Черчилль, 1925

«Hope flies on wings
and international conferences plod
afterwards along dusty roads»

Winston Churchill, 1925